

Алтайские фольклорные мотивы о Шуну-Батыре

Тамара Михайловна Садалова^{1, 2}

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

² Национальный комитет по делам ЮНЕСКО в Республике Алтай (д. 14, ул. Телеутская, 649000 Горно-Алтайск, Российская Федерация)
ответственный секретарь

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Садалова Т. М., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются фольклорные мотивы алтайских исторических преданий, связанные с именем известной в прошлом исторической личности Шуну-Батыра. *Актуальность* исследования заключается в том, что тексты исторических преданий в устной традиции алтайцев представляют особый интерес, поскольку в них отражаются реальные события исторического прошлого. *Цель* статьи — рассмотреть тексты алтайских преданий о Шуну-Батыре с точки зрения проявления в них фольклорного историзма. *Материалами* для исследования послужили разновременные образцы устных преданий. В работе применяются сравнительно-исторический и сравнительно-описательный методы. *Результаты.* В ходе исследования выявлено, что характерной чертой рассмотренных преданий является достаточно высокая степень «историчности». «Историзм» выражается как в персонаже, имеющем прообраз в реальном историческом лице, а также в сюжетных эпизодах, относящихся к определенным историческим событиям. В предании о Шуну-Батыре обобщается серия конфликтов, связанная с конкретным историческим событием, — борьбой за власть в Джунгарском ханстве. В результате исследования выявлено, что историчность алтайских преданий имеет определенную достоверность, однако исторические события прошлого осмысляются в текстах устных преданий в традиционных для алтайского фольклора воззрениях и представлениях.

Ключевые слова: алтайский фольклор, исторические предания, Шуну-Батыр, фольклорные мотивы, историзм фольклорных текстов.

Для цитирования: Садалова Т. М. Алтайские фольклорные мотивы о Шуну-Батыре // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 109–119. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-109-119

Altaiian Folklore Motifs about Shunu-Batyr

Tamara M. Sadalova^{1,2}

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

² National Committee for UNESCO in the Altai Republic (14, Teleutskaya str., 649000 Gorno-Altaysk, Russian Federation)

Executive Secretary

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sadalova T. M., 2022

Abstract. *Introduction.* The article analyzes folklore motifs of Altaian historical legends associated with the name of the famous historical figure — Shunu-Batyr. The study proves topical enough since texts of historical legends in the Altaian oral tradition tend to reflect actual historical events, and thus are of particular interest. *Goals.* The article aims to examine texts of Altaian legends about Shunu-Batyr from the perspective of folklore historicism manifested therein. *Materials and methods.* The paper deals with samples of oral narratives recorded at different times. The employed research methods include the comparative/historical and comparative/descriptive ones. *Results.* The work reveals that a characteristic feature of the considered legends is a fairly high degree of ‘historicity’ manifested both in the character proper that has a real historical prototype, and in plot episodes associated with certain historical events. The legends of Shunu-Batyr summarize a series of conflicts pertaining to a specific historical event — struggle for power in the Dzungar Khanate. Our analysis reveals that the historicity of Altaian legends proves reliable enough, though events of the past tend to be interpreted in oral texts through traditional views and representations inherent to Altaian folklore.

Keywords: S Altaian folklore, historical legends, Shunu-Batyr, folklore motifs, historicism of folklore texts

For citation: Sadalova T. M. Altaian Folklore Motifs about Shunu-Batyr. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 109–119. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-109-119

Введение

Одним из излюбленных персонажей фольклора народов Центральной Азии и Южной Сибири является образ Шуну, который представлен в жанре исторических преданий алтайцев [Вербицкий 1858: 230–232], в текстах исторических песен калмыков [Оконов 1984: 41–47], связанных с именем этого героя. Кроме этого, Шуну как главный герой предстает в единичном эпическом сюжете бурят [Шоно Батор 2003], его имя также упоминается в отдельных текстах благопожеланий алтайцев [Кандаракова 1993: 41–42]. В легендах, преданиях, песнях и эпических текстах тюрко-монгольских народов он известен под разными именами. У алтайцев он зовется *Шуни*, *Шунуты*, *Шоноты*, *Сна*, *Чюлю-матыр*; у бурят — *Шоно-баатар*; у калмыков — *Шуна-баатр*.

Цель статьи — рассмотреть тексты алтайских преданий о Шуну-Батыре с точки зрения проявления в них историзма.

Историчность преданий о Шуну-Батыре

В основе этих разножанровых текстов лежит исторический персонаж Лоузан-Шуну¹, младший сын Джунгарского правителя Цэван-Рабдана, матерью которого была Сетерджаб-хатун, дочь знаменитого калмыцкого Аюки-хана [Селеева 2020: 219–220]. Согласно историческим источникам, Лоузан-Шуну родился не ранее 1698 г., а умер в Калмыцком ханстве в 1732 г. Это был один из авторитетных ойратских военачальников. В начале XVIII в. он стоял во главе джунгарских войск, вторгшихся в Восточный Туркестан, покоривших ряд казахских племен и овладевших рядом городов Средней Азии. Несмотря на военные дарования Шуну, Цэван-Рабдан поступил согласно древним традициям и назначил своим преемником старшего сына Галдан-Церена. После смерти Цэван-Раб-

¹ В разных источниках данное имя пишется по-разному, однако в настоящей статье, за исключением цитат, принято написание Лоузан-Шуну.

дана преемник Галдан-Церен, унаследовавший ханский престол, обвинил свою мачеху Сетерджаб в смерти своего отца. Шуну был вынужден уйти к родственникам матери на Волгу [Златкин 1983: 220, 235]. Ойраты, по некоторым устным донесениям русских посольств, «нынешним своим контайшею не весьма довольны и желают, чтоб тот Чоно-Лозон к ним возвратился и нынешнего контайшу изгнав ими управляя» [Моисеев 1984: 201].

Неслучайно зачины текстов алтайских исторических преданий предваряют конфликтную ситуацию, указывая на ее первопричину: хан имел детей от двух жен, что порождало между сводными братьями соперничество за престол. В записи В. В. Радлова текст предания начинается так: «Конгодой был ханом Ойрота; он был женат дважды; от первой жены у него был один сын, его звали Шюню. После смерти жены он взял другую; от нее родились одна девочка, три сына» [Радлов 1866: 184].

У Г. Н. Потанина начало предания еще конкретнее указывает на противоречия между ханскими детьми от разных браков: «У Хун-тайджи было три сына: Шуно-батырь, Шорон-гуа и Срэн-Галда. Шуно был от другой жены, и два другие брата его не любили» [Потанин 1883: 309].

Запись Г. М. Токмашева в 1957 г. от телеутов, которая при определенных неточностях все же более приближена историческому сюжету: «Когда-то мы были народом Кон-тайчи. Кон-тай сначала женился на дочери Ай-Юкю, от этой жены у Кон-тая родились три сына: Амыр-Санаа, Темир-Санаа, Калдан-Черю. Второй женой Кон-тай взял дочь Тай-хана. Дочь Тай-хана родила Шуни-батыра. Шуни-батыр вырос, стал сильным, тогда братья стали его бояться и наговорили на него отцу» [Архив НИИА ФМ. Ф. 142. Оп. 111. Д. 142-а. Л. 17].

Почти через тридцать лет после записи Г. М. Токмашева, в 1988 г., у телеутов был также зафиксирован текст о Шуну, в котором говорится: «Шуну родился от первой жены хана, а от второй жены родились двое сыновей, которые все время обижали Шуну. Он же молчал и отцу ничего не говорил» [Архив НИИА МНЭ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 45-а. Л. 13].

В алтайских преданиях есть несколько версий относительно поводов для конфликта между братьями или между отцом и сыном. В варианте В. В. Радлова говорится о том, что конфликт возник из-за превосходства Шюню как охотника: «Шюню уехал один охотиться. Он вернулся с подстреленной красной лисицей для отца. Его трое братьев тоже пошли охотиться, но вернулись с пустыми руками. Шюню еще раз уехал охотиться, на этот раз на барса. Шюню подстрелил барса и привязал к дереву, сам вернулся домой. Братья тоже следом поехали охотиться, увидели привязанного к дереву барса, застрелили, а барс не падает. Младший брат понял, что это добыча Шюню и посоветовал не забирать убитого зверя, так как сводный брат может обидеться. А, вернувшись домой, в своих неудачах на охоте они обвинили Шюню, сказали, что он к тому же замышляет убийство отца, и уговорили его наказать Шюню» [Радлов 1866: 184–185].

Бывало и так, что Шуну из-за озорства провоцировал братьев. В телеутском тексте о сценах охоты рассказывается так: «Шүнү озорник был, насмешник. Лису убьет, шкуру соломой набьет, на дерево повесит. А братья охотиться пойдут — стреляют по лисе как по живой: Шүнү смеется над ними» [Телеутский фольклор 2020: 45]. Как мы помним, определенную долю озорства проявлял и исторический Шуну, особенно во время переговоров с китайскими послами.

В тексте, записанном Г. Н. Потаниным, указаны две причины возникновения конфликтной ситуации: братья Шуну не любили, но отец наказал его сам, так как он «изломал отцовскую саблю (хельмы) и велел наделать из нее наконечников стрел» [Потанин 1883: 309]. В данном варианте эпизод охоты Шуну с братьями по сюжету следует уже после фрагмента о том, как освободившийся из заточения Шуну поехал с братьями на охоту: «Три брата поехали на охоту. Шуно говорит: „Когда приедем на Гадолиту (стрельную) речку, стрелы найдем“. И изрезал свои стрелы на дрова, потому что остановились на месте, где дров не было. Братья то же сделали и со своими стрелами. Шуно, как богатырь, дорогой снова добыл себе стрелы, а братья не могли. Снова приехали на ночлег

без дров. Шуно опять говорит: „Впереди будет седельная речка (Ымылту), седла найдем. Теперь можем изрубить свои седла“. Изрубил свое седло, изрубили свои и братья. И опять дорогой Шуно добыл себе седло, а братья остались без седел. Таким же образом Шуно оставил братьев и без луков. Когда, наконец, встретились со зверем, братья оказались без седел, луков и стрел. Обидевшись на Шуно, они сказали отцу, что Шуно замышляет против него, отца, войну» [Потанин 1883: 309–310]. Здесь, как и в радловской записи, нерасторопные братья обиделись на Шуно и настроили против него отца.

В этих преданиях причиной конфликта становится не столько борьба за престол, а сколько неистребимое человеческое чувство — зависть. Хотя в отдельных текстах есть указание на то, что «...народ захотел сделать его ханом, отец не захотел» [Архив НИИА МНКЭ. Ф. 45. Оп. 34. Д. 45-б. Л. 17].

В ряде преданий говорится о том, что причиной заточения или наказания героя стала его необыкновенная физическая сила. Г. Н. Потанин приводит сюжет об огромной физической силе еще малолетнего батыра: «Семилетний Суну-матыр, сын Конгдайжи; на народ Конгдайжи напал тигр, Суну хочет идти стрелять в него, отец отговаривает его: „Ты мал еще, дитя мое!“». Суну, однако, убивает тигра. Подданные Конгдайжи, испуганные силой богатыря, оговаривают его, будто он насилует их жен и дочерей. Хан велит бросить его в яму, изломав лопатки» [Потанин 1883: 866].

В варианте из МНКЭ рассказывается не только о силе, но и о характере героя, который мог обидеть окружающих. Непослушно и самостоятельного сына отец не захотел ставить ханом из-за того, что он мог с кем-либо из соседей начать войну. В другом тексте сын Ойрот-хана божественного происхождения и земной женщины Шуно оказался сильнее, чем его сыновья от небожителей, поэтому отец решил наказать сына, чтобы он стал слабее других его детей.

Еще одной причиной конфликта в преданиях указываются соперничество между братьями из-за наложницы Кара-Кыз, как, например, в варианте В. И. Вербицкого, на который ссылается в своей

работе Ч. Ч. Валиханов: «Шуна жил с наложницею Кара-Кыз, в которую влюбился брат его (Калдан) и женился на ней. Оскорбленный Шуна пригласил своих двенадцать друзей разгуляться по хребтам Алтая. Отъехав на одну версту от своего жилища, он рассказал им свое горе, натянул лук и пустил стрелу свою в юрту брата, стрела вонзилась в дверь; Калдан узнал по стреле ее хозяина и пожаловался отцу» [Валиханов 1985: 9].

Об особой любви народа к Шуну за его силу, доброту и военные доблести в алтайском фольклоре имеется достаточно много свидетельств: «На Алтае у великого предводителя Ак-хана родился сын Шуну. Он был с народом приветлив, себе богатства не копил» [Архив НИИА ФМ. Ф. 34. Оп. 67. Д. 34-а. Л. 208]; «Подаривший алтайскому народу мир был Шюне с добрым сердцем» [Архив НИИА ФМ. Ф. 34. Оп. 67. Д. 34-а. Л. 337]; «Чюлю-матыр был умным и жестким человеком, у него были крепкие кости» [Архив НИИА ФМ. Ф. 34. Оп. 67. Д. 34-а. Л. 369].

Эпический образ Шуну-Батыра

Среди алтайцев бытует самостоятельный сюжет о Шуну как знатном воине-богатыре: «Говорят, был батыр Шунуты. Когда он заснул крепким богатырским сном, на Алтай напал враг и начал все разрушать. Чтобы разбудить Шуну, сноха стала петь снаружи аила (по обычаю, сноха со свекром всегда должна общаться опосредованно. — Т. С.), чем смогла поднять батыра. Когда он проснулся, то в опустошенном Алтае он нашел только колыбель своего ребенка. Разъяренный Шуну преследовал врага, и там, где он промчался, все сгорело, не осталось никого в живых, даже птиц. Батыр догнал врага и полностью разбил его, вернул народ в свое ханство» [Архив НИИА МНЭ. Ф. 45. Оп. 25. Д. 34. Л. 50].

Таким образом, фольклорные сюжеты о Шуну близки к историческим версиям о причине его конфликта как сильной личности со своими близкими: неординарность характера, физическая сила, зависть со стороны сводных братьев, непонимание его отцом из-за наговоров, народная любовь к своему батыру.

Народные предания подтверждают военные подвиги Шуну-батыра, которые были также отмечены в уже упомянутых нами исторических документах, например, как он привел к покорности три города Казачьей орды. В исторических преданиях алтайцев наиболее стабильными являются сцены заточения отцом для наказания Шуну и вынужденность его освобождения.

«Чтобы уменьшить богатырскую силу Шюню, отец велел отрезать ему лопатки и пришить лопатки собаки, выколоть глаза, пришить собачьи глаза. Затем вырыли глубокую яму и заточили его туда. Ханом стал Амыр-Санаа. От Кюнкер-хана прибыл посол, привез с собой отрезанную палку с заданием, чтобы угадали, где толстый конец, а где тонкий. Так Кюнкер-хан хотел узнать, жив ли Шуну, чтобы завладеть ханством его отца, так как при живом Шуну никто не мог этого сделать. Никто не угадал загадку Кюнкер-хана, вспомнили про заточенного Шуну и обратились к нему, тот подсказал, чтобы палку бросили в воду, тогда толстый конец потянет вниз, а тонкий, наоборот, поднимется кверху. Посол уехал.

Кюнкер-хан засомневался, снова отправил своего посла с заданием: узнать в двух одинаковых сороках самца и самку. Шуну из ямы подсказал: напустить холод, тогда самец сядет на верхушке дерева, а самка спустится вниз к основанию дерева. Кюнкер-хан снова не смог понять, жив ли Шуну, и снова снарядил посла с новым заданием: натянуть большой лук. Никто в ханстве Калдана не мог справиться с этим заданием, поэтому вынуждены были освободить его из ямы, вернуть его собственные лопатки и глаза. Тогда Шуну натянул этот лук, а посол уехал, убедившись, что Шуну жив. А Шуну так и не пригодился в своем ханстве, поэтому он уехал на север в Россию» [[Архив НИИА МНКЭ. Ф. 45. Оп. 34. Д. 13. Л. 17](#)].

Эта часть сюжета: о заточении Шуну в яме и освобождении его из-за правильных подсказок при отгадывании загадок соседнего хана является стержневой почти во всех вариантах, оставаясь в них неизменной, и имеет более сказочный характер. В алтайских сказаниях часто встречаются фрагменты, когда героя в наказание

ослепляют, хотя впоследствии он добивается, чтобы ему вернули зрение [Алтай-Бучай 1941: 235].

Г. Н. Потаниным приведен ряд аналогий с судьбой Шуну, когда сознательно калечили героя, чтобы уменьшить его силу, в фольклоре кавказских, тюркских народов [Потанин 1883: 867]. Сцены натягивания тетивы лука огромных размеров напоминают эпизоды из индийской «Рамаяны». В эпизодах наказания и испытания героя мы находим определенные сходства с жизнью исторического Шуну. Вспомним, как Лоузан-Шуну жаловался на то, как его били «по крыльцам», и с тех пор он начал болеть руками.

Через эти эпизоды с испытанием — загадками и поручением натянуть тетиву лука, которые были проверкой со стороны соседнего хана, бдительно следившего, жив ли тот, кто сможет всегда отстоять свободу ханства, народ, конечно же, в иносказательной форме иногда и прямо говорил о том, что внутренние распри на руку внешнему врагу — маньчжурам. Можно отметить и то, что само словосочетание «кто может натянуть тетиву» соотносится с бытовавшим тогда обиходным понятием о количестве воинов, которые готовы выступить в военный поход.

В вариантах преданий данный эпизод имеет отличительные моменты: например, выжить Шуну в яме помогают его сестра или старый слуга. В тексте из ФМ в записи от А. И. Чинчикеева после освобождения из ямы Шуну предлагают стать ханом, что еще больше оскорбило его, и он уехал в земли Белого-хана. В варианте МНЭ после освобождения из ямы отец просит прощения у сына и просит занять свой престол, но оскорбленный Шуну отказывается и с обидой предлагает, чтобы трон занял кто-нибудь из более любимых сыновей отца. Здесь также есть момент, который дополняет объяснение противоречий между ханскими сыновьями религиозными мотивами. Шуну упрекает отца за то, что он женился во второй раз на женщине из нечистого рода. Видимо, она была из шаманистов (у ойратов официально проповедовали буддизм), так как исполнительница М. Н. Ясакова слова Шуну: «если женишься на ней, то твой народ будет общаться с нечистыми духами и нечистым будет» прокомментировала так: «У нас, у байатов-

теленгетов, домашние духи-хранители (в виде кукол из материи, передаются по женской линии. — Т. С.) появились из-за нее. Это наследство жены Кондая. А так теленгеты были чистыми» (т. е. приверженцами буддизма, позже после принятия частью теленгитов христианства восприятие «чистой» религии было перенесено на христианство) [Архив НИИА МНЭ. Ф. 45. Оп. 25. Д. 45. Л. 3].

Заключение

В фольклорных сюжетах о Шуну-Батыре достаточно много сходства с судьбой исторического Шуну, сына джунгарского хана. Поэтому мы можем возвести эти предания именно к джунгарской эпохе в истории алтайцев, в них отразился сложный период междоусобиц в борьбе за власть. Следует в то же время обратить внимание на то, какими характеристиками наделяют Шуну алтайские исторические предания. Он необыкновенный человек от рождения, его физический облик имеет особенности, отличающие его от обычных людей. Он наделен необыкновенным умом и обладает даром предвидения. Его поведение часто непредсказуемо, но он добр, миролюбив и всегда справедлив, а потому и любим народом.

Источники

- Архив НИИА МНКЭ — Архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научно-комплексной экспедиции.
- Архив НИИА МНЭ — Архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научной экспедиции.
- Архив НИИА ФМ — Архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Фольклорные материалы.
- ПМА — Полевые материалы автора.

Литература

- Алтай-Бучай 1941 — Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос / Н. У. Улагашев; под ред. А. Коптелова. Новосибирск: Обл. гос. изд., 1941. 404 с. (на алт. яз.)
- Валиханов 1985 — *Валиханов Ч. Ч.* Шуна-батыр (Авантюрист XVIII ст.) // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 8–13.

- Вербицкий 1858 — *Вербицкий В. И.* Народные легенды кузнецких телеутов о подданстве их России // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1858. № 29. С. 230–232.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 330 с.
- Кандаракова 1993 — *Кандаракова Е. П.* Алтайские благопожелания и обряды их исполнения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. кн. изд-во, 1993. 20 с.
- Моисеев 1984 — *Моисеев В. А.* Степной самозванец // Простор. 1984. № 6. С. 200–204.
- Оконов 1984 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие исторические песни XVII–XVIII вв. // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 30–58.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. 1026 с.
- Радлов 1866 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Подарения Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. Ч. 1. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1866. 419 с.
- Селеева 2020 — *Селеева Ц. Б.* О двух исторических преданиях времен Аюки-хана в традиции ойратов Синьцзяна: к проблеме фольклорного историзма // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 207–220. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220
- Телеутский фольклор 2020 — Телеутский фольклор. Сост., вступит. ст., запись, нормализ. текстов, пер., коммент. Д. А. Функа. Изд. 2, испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2020. 428 с.
- Шоно Батор 2003 — Шоно Батор. Бурят-монгольский героический эпос. Авториз. пер. А. Гатапова. Улан-Удэ: Респ. тип., 2003. 119 с.